

Консерватизм – это борьба вечности с временем, нетленного с гниением.

Н. Бердяев

Всякое начало трудно. Но не начать бывает еще труднее. Это знают многие, может, слишком многие.

Primum vivere, deinde philosophare. Сначала жизнь, потом философия. Сначала любовь – потом любовь к мудрости. **Предмет философии не мир в целом, а целостно о мире.** «Чело-стно». Это мышление о том, как застегнута первая пуговица костюма. Об основаниях и целях. Наука – обо всем остальном. Философия свободна и... тоталитарна. Как всякая любовь.

Символы времени

До середины XX века говорили: все надо делать с любовью. Рекламировали: «Сделано с душой». Человек-личность. Время воспитания.

В конце XX века говорили: все надо делать профессионально. Рекламируют: «Сделано с умом». Человек-специалист. Время образования.

В XXI веке начинают говорить: все сделано автоматически. Рекламируют: «Интеллектуальный продукт». Человек-фактор. Время программирования.

К XXII веку замолчим: Все будет делаться искусственно. Начинать рекламировать: «Сделано без человека». Постчеловек. Время комму(ника)тации.

Циклы искусства

Классическое – изображение реальности.

Модернистское – преобразование реальности.

Постмодернистское – изобретение реальности.

Модернизм превзошел классику и как бы впереди ее. Но этот «перед» есть «зад» науки и техники. Постмодернизм – это «искусство» как возврат к первоначальному смыслу данного слова – «технэ».

Искусство превращается в искусственное. Круг замкнулся. Скоро начнется второй – опять изображение реальности. Но эта *реальность будет «посттеоретической», виртуальной и информационно-синтетической*. Уже есть термин: «синтетический реализм».

* * *

Все кричат: человек, человек! А может, его уже нет? Мы потеряемся незаметно. Выродимся. И даже воспоем свое исчезновение: в центре Москвы, через улицу протянут транспарант о праздничных концертах. Крупно написано: «Звуковая дорожка в Кремле», и мелко: в которой участвуют... Так кто выступает в Кремле? Где тут подлежащее и где сказуемое? В общем, уже воспеем. Только не я. За это все и упрекают: пессимист. Я отвечаю: от оптимистов слышу.

Од(н)ежда

Демонстрацией ее социальных функций в чистом виде является ношение набедренных повязок, ношение одежды там, где физически она не нужна – в жарких странах. Человечество, переходя к социальности и борясь с бесконтрольностью инстинктов, стремилось освободиться от зоологических оценок друг друга. Чистое выражение зоологизма природы – гениталии (у двуполох). Возбуждение не всегда поддается контролю разума, вождельть человек мог к тому, к кому запрещалось (перверсивность, инцест), скрыть это трудно, особенно у мужчин и *его* закрывают. Для начала – днем. Од(н)ежда. Утром, после голой ночи, надо одеваться. Оценка человека идет уже не по сексуальным показателям, а по достоинствам, полезным в труде: сила, ловкость, сообразительность. Что человек не может подчинить контролю разума, он скрывает – закрывает. Когда за(с)крывать больше нечего, одежда становится «дресс-кодом». Духовная одежда – лицемерие. Не иметь его так же неприлично, как ходить голым. Это цинизм и оскорбление общественной нравственности. Когда нравственности больше нет, исчезает и лицемерие. Остается пустота. Мар(с)кируемая знаками. Дресс-код пустоты.

* * *

Одна дилетантская реминисценция об изменении роли тела в культуре. Оно шло снизу вверх:

Первобытная культура озабочена обузданием зоологизма, борьбой с инцестом, регулированием брачных, кровнородственных отношений. Культ фаллоса. Мир вращается вокруг гениталий. **Человек-чресла.**

Потом проблема живота. Биться не на живот, а на смерть. Положить живот за други своя. Жизнь и живот, прокормление, еда почти тождественны. Вырастить ребенка – значит вос-питать его в буквальном смысле слова. Мир лежит на брюхе. **Человек-живот.**

В Новое время на первом плане грудь, человеческие чувства, страдания плоти, борьба страстей. Сенсуализм и сентиментализм – любовь. Волнения души. Мир прижат к груди. **Человек-сердце.**

Сейчас центром тела стала голова. Торжество расчета, рациональности. Интеллектуализм, церебрализация. Мир стоит на голове. **Человек-мозг.**

Дальше у нас нет органов. Кончились. Далее киборг, искусственный интеллект, самоотрицание **в пользу Другого.**

* * *

Споры о смысле обрезания как обряда у многих первобытных и древних народов. Исписаны горы книг, очевидным же представляется, что это символизация победы культуры над естеством, господства духа над плотью. Ограничение плоти. Не «отрезание», не уничтожение, но о-предел-ение, об-рез-ание, как **наложение узды на телесность**. Приобщение к ответственности, к морали, введение молодежи в социум. М. Лютер упрекает Э. Роттердамского в «О рабстве воли»: как, мол, они могут судить о Боге, они «с необрезанным сердцем и умом», то есть, видимо, с варварско-языческим сердцем и умом. Отсюда уже все остальные действия – положить завет, отделиться от других племен.

* * *

Где-то у Достоевского была мысль: человек – такое подлое существо, что приспособливается к любым обстоятельствам, когда другие животные уже отказались бы жить, умерли. Это потому, что он рождается «ником», неспециализированным, «голым», «дырка в бытии». Он приспособливается к любым обстоятельствам, потому что он их продукт. Они делают его по своей мерке. Бытие определяет сознание – великое и ужасное положение, открытое Марксом. Даже если это бытие – небытие, как сейчас. Вот причина самоотрицания традиционного естественно-исторического человека (нас) и возникновения цифровых техноидов (их). Потом нас и их поменяются местами.

* * *

Три сорта способностей, три типа ума: человек умелый, может сделать вещь, предмет, преобразует материю. Человек ум-ный, оперирует понятиями, преобразует сферу духа. Человек ум-удренный (опытный, понимающий) преобразует отношения, успешно общается. Сейчас в цене вторая способность, хотя многие теоретически умные практиче-

ски беспомощны и социально глупы. Однако их стараются не считать дураками. А вот кто делает вещи, но не может умно говорить, того считают недалеким, недоразвитым, а того, кто умеет общаться и строить социальные отношения, – считают только хитрым. Хотя сейчас, в условиях капитализации, произошел всплеск уважения к социально ловким, «хитрым». Но в целом мир все-таки становится на голову. На ее левое полушарие. С этой позиции голова наносит окончательное поражение рукам. Потом себе. Для множества интеллигентов руки нужны сейчас для держания ложки и застегивания ширинки брюк. Пока есть (за)что/чем застегивать. Хвост тоже не сразу превратился в копчик.

* * *

Самое полезное для человека природное лекарство – другой человек. В Средние века ослабленных больных, пока не было биодобавок, лечили «лежанием рядом со здоровым отроком». Теперь, когда общение превращается в коммуникацию, в бездушное отношение, стали толковать о пользе телесных касаний. Хотя бы случайных, эпизодических. Придумали даже такое лечение: «контактотерапию». В больших городах на столбах объявления о кружках по «обучению чувствам». Чудовищно, до чего дожили! Только очевидный характер этой патологии заставляет проходить мимо без таких восклицаний. Ну, объявление и объявление. Впрочем, ничего удивительного, раз дети играют с компьютерами, а не (друг) с другом. Восьмиклассники собираются на день рождения одного из себя. Берут смартфоны, чего-то поели и сидят за столом, в них уткнувшись. Играют. Праздник эпохи трансмодерна. Бурное веселье. Песни и пляски. В компьютере. Изначальное отчуждение человека от физической сути вещей. От телесности и тепла других существ. Скоро общение, да и просто «жизнь» начнут прописывать по рецепту: «Поезжайте, *поживите* недельки две». А диагнозом болезни будет: пережитки гуманизма. Не все еще превратились в роботообразных.

* * *

Жизнь мысли – познание.

Жизнь тела – влечение.

Жизнь души – любовь.

Как «Мы» живем?

Иссыхание души, бесплодие тела и расцвет умственной деятельности. Как таковой, без осознания куда ведет и зачем. Без «философии». Это – техногенный человек. Компьютерный человек. Мультипликационный человек. К-липовый человек. Он почти не любит, судорожно эксплуатирует остатки сексуальности и все время «познает». В отношениях друг с другом следует принципу полезности, все продавая и покупая. Номо ratio. Номо есономісис. Большая машина. Бедная большая машина. Скоро ли уж станешь здоровой? И умрешь. *Родишься. Роботом.*

Музыка в потоке времени

Старинные народные песни: резкие, протяжные, почти без модуляций. Без инструментов. Чувственные. Мы их почти не воспринимаем. Экзотика. Этнография.

Инструментальная классическая музыка и священные песнопения. Романсы. Симфонизм. Гармония. «Духовные». Воспринимает избранная часть общества.

Песни: лирические, гражданские. С довольно сложными модуляциями. Пели почти все. «Душевные». Кончатся во второй половине XX века. Многие их еще любят, хотя петь почти перестали. Иногда вспомнят строчки: «Ой, рябина кудрявая, белые цветы...» Дальше обычно не знают.

Тяжелый рок: ритмы, надрыв, бьет по вегетативной нервной системе. Как секс вместо любви. Музыка «психофизиологическая». Исполнение человеко-машинное, требует некоторого специфического профессионализма. Сейчас, пожалуй, пока самая популярная.

Компьютерная музыка. Без чувств, без духа и без души. Интеллектуально-информационная, технически гармоничная, машинный ритм и петь нельзя в принципе. Иногда, правда, на каком-то переходе ее любители «подвизгивают». Голос исполнителя трансформируется до неузнаваемости и почти не важен. Под нее не удастся даже танцевать и все дергаются сами по себе. Ритм не для живого. «Техническая» музыка. Как музыка техники и для техники. Доставляет удовольствие своей чистой формой как силуэт авиалайнера. Неважен даже композитор. Ее можно задать компьютеру как «тему» некоторым мычанием. Поэтому все мелодии – одинаково разнообразны. Однороднообразны. Слова песен – разнообразно пустые: все про какую-то «любовь». Любовную любовь про любовь. Затаскали, этого никакая реальная любовь не выдержит. Чем больше поют, тем меньше чувствуют.

Нравится «постчеловеческому» человеку. Любит постчеловеческий техноид.

Прощальные песни

Петь – это было естественное, привычное состояние человека. Веками. У всех народов. Пели не только в праздники, а в повседневности, труде и быту. Изливали то, что переполняло душу. Которая и когда она была.

Даже в мрачные годы, какой считается эпоха крепостного права в России, во время правления Николая I. Забитые, неграмотные, радикально бедные в сравнении с нынешним состоянием люди. В общем, несчастные. Так мы их представляем. Но вот Гоголь в «Петербургских записках» в 1836 году откликается на постановку первой русской оперы Глинки «Жизнь за царя»: «Какую оперу можно составить из наших национальных мотивов! Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховья до моря, над всей вереницей влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Все дорожное, дворянство и недворянство, летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый со смолистыми усами казак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы?»

Ну вот, забитые, несчастные, а «звонят песнями».

В те же годы времяпровождение разночинного и мелкого дворянского сословия. Критик В.В. Стасов в биографическом очерке о композиторе Цезаре Кюи пишет: «...но Кюи поступил в военный корпус, где музыки намного меньше. Это ведь не то, что, например, в училище правоведения, где в наше время, в 30–40-х годах музыка так широко и роскошно процветала и где в антрактах между классами во время рекреаций весь дом училища так и звучал, от низу до верху по всем этажам. Фортепьянами, виолончелями, скрипками, валторнами, флейтами и контрабасами, словно настоящая консерватория. Нет, куда военному училищу, это совсем другая история». Или язвительный Салтыков-Щедрин о публике на Невском проспекте: «Выйдет пьяница из портерной и сейчас же начнет песни петь». Или ближе к нам, начало XX века, Горький жалуется знакомому на жизнь в Нижнем Новгороде, что шумно, мешают писать, так как рядом с домом работают маляры. «И что за привычка у маляров. Красят и поют». В ночлежку, с которой Горький писал пьесу «На дне», пускали, не спрашивая паспорта. Однако при входе крупными буквами было написано, что нельзя делать три вещи: «пить вино, курить табак, горланить песни». Унтер Пришибеев у Чехова ходит по деревне и запрещает: «песен не петь, огня не зажигать». Требование «не петь» осмеивалось как выражение тупости.

И вот теперь, в светлые годы прогресса, унтер был бы совершенно спокоен. По первому пункту его идеал осуществился полностью. Унтеры победили. Не поют даже пьяные. Ни в городе, ни в деревне. Приехав в Нижний Новгород в 80-е годы, я еще застал время, когда в нашем микрорайоне из окон иногда слышалась песня, видна была веселая компания, раздавалась музыка, хотя уже «не своя», пластинки, а где-то можно было услышать игру гармоники. Теперь – ничего. Тщетно хожу по району даже под Новый год: тишина, увертываюсь от машин, и стреляют петарды. А если случайно какая-то компания, группировка молодежи запоеет на улице, то хочется позвать полицию самому. Как-то неловко. Да и поют ужасно. Голоса все замкнутые, зажатые. «Песня – душа народа. Перестанут петь – не будет души». Ну вот и перестали. Вместо грустных песен – депрессии. И человек – undead. (Не думаю, что кто-то решится считать песнями разнообразно однообразные компьютерные композиции шоу-бизнеса.)

В советскую эпоху трудовые песни народ пел больше в деревне, особенно в колхозах, до войны. В войну и сразу после как будто было не до песен, хотя и то – пели. Постепенно произошло их полное восстановление, правда, в новой форме, перерастая в бурный рост самодетельности. В школах, вузах, кружки, мелкие театральные постановки, непрерывные занятия художественной самодетельностью. Я иногда возмущался, когда же учиться, то «картошка», то пляшем и поем – очередной «смотри». В нашем колхозном клубе лет пять было два (семейная пара) художественных руководителя, одного не хватало. (Зачем советскому поколению слушать рассказы идеологов капитала, как ужасно жили в колхозах; всяко было, и пусть дурят молодых.) Параллельно до конца XX века создавалось много прекрасных авторских песен. Их, однако, пели в основном с эстрады и по радио, а «просто люди» только подпевали, не повседневно, не в труде, больше по праздникам. А ведь люди еще и плясали. Я немного застал это в деревне. Но мы уже не плясали, а «ходили на танцы», которые, говорят, еще есть в ночных клубах.

И, наконец: недавно я был на свадьбе, на которой, даже на свадьбе (!), не пели, не подпевали, не танцевали и не плясали. «Сидели». Кто-то

играл, но не «на гармонии», а на смартфоне. Теперь вообще, все больше «сидят». Если хотя бы слушают, то «ретро». Пока. Пока не потеряли не только способность, но и потребность уже не петь, а хотя бы слушать пение. Нужна (бы) *экология песни*.

Если человеку в XIX – начале XX века, когда жили Толстой, Чехов, сказали, что люди перестанут петь и плясать, они вряд ли поверили. Посчитали невероятным. Так мы сейчас не верим, что *к концу XXI века люди перестанут разговаривать живыми словами*. Хотя к этому все идет, к этому стремятся – к цифровизации и электронным коммуникациям, а потом к коммутации: «от мозга к мозгу». Над ней «работают ученые». Нейро-нет, ИКМ (интерфейс компьютер–мозг). Мечтают об этом, чтобы скорее. Лет на 20 раньше, по мере *растворения человека в океане информации*, перестали петь в передовых странах Запада. Для них это «фольклор» уже давно. Теперь цивилизуемся и мы. Разумеется, если не учитывать эстрадно-телевизионного шоу-бизнес-(не)пения. Да и там – вместо песен «компьютерные композиции» или какие-то вопли в вакханалии спецэффектов. Теперь все чаще на английском, чтобы совсем не было своего жизненного смысла, чтобы как можно меньше что-то понимать и чувствовать. Да и петь нечего. Композиторы перестали писать песни: не по злой воле, а «не получается». Духа в людях нет. Значит, у композиторов тоже. Все у всех теперь сводится к говорению и еде. Это единственное, что делаем сами, без аппаратов (хотя тоже неправда, говорим все больше по телефону). Если бы бедные, несчастные, ходившие в лаптях и евшие мясо по двенадцатым праздникам певцы прежних или советских лет это увидели, они бы тоже замолчали. По(с)раженные материальным богатством и чувственным оскудением людей. Тем, что собственное веселье заменилось присутствием на чужом или внешними фейерверками, а вместо грустных песен у них «депрессии», которые лечат таблетками.

Почему многие с ностальгией вспоминают революцию, советскую эпоху, идеалы социализма вообще? Ведь жили хуже, чем сейчас, чего там спорить, потому что, в конце концов, техника с тех пор развилась чудовищно. Но главное не в этом. А в том, что хорошо объясняет известная притча: Путешественник подходит к стройке и спрашивает рабочего: что делаете? Не видишь, таскаю кирпичи. Спрашивает второго – зарабатываю на хлеб, для семьи. Третьего: я строю Кельнский собор. Хотя все делали одно и то же. Так вот: тогда строили Лучшее общество – Собор. Верили в это. Была мечта, социальная религия. А теперь таскаем кирпичи. Эгоизм и рационализм. У некоторых – даже золотые. Но все равно – не Собор. Потерян Большой Смысл, нет духовной ауры. А не все могут и хотят быть мелкими, замкнутыми лишь на себя.

...И скучно и грустно. Вино, коньяк в компании или без не помогают. Некоторое расслабление есть, но радости никакой. Но вот недавно открыл великолепный антидепрессант. Стоит прослушать 3–5 песен советской эпохи, особенно послевоенные (военные свелись к 5–7 песням, которые затерли, затерзали) «Летят перелетные птицы», «Вернулся я на Родину», «Земля моя раздольная», песни Л. Зыкиной, В. Трошина, как начинаю вдохновляться. Бью такт и размахиваю руками. Про себя напеваю, даже выйдя на улицу. Случайно услышавшие тротуарные прохожие оглядываются: надо же, ненормальный. Продолжаю, придя домой. «Где-то выпил, что ли?» Правильно и понятно, почему их не допускают в масс-медиа. Одним махом они могут подорвать весь шоу-

бизнес, а заодно обесценить комфорт, потребление и другие высшие ценности нашего пост(анти)советского времени.

Советской эпохе на (страшном) Суде Истории достаточно предъявить свои песни. Ведь они – воздух, ветер времени, аура и дух эпохи, который не подделаешь никакой силой и пропагандой, выражение действительного самочувствия людей... И она будет оправдана. Но вряд ли возвратима.

По оценкам некоего агентства, в 2015 году из 50 стран наиболее депрессивными были: Исландия (на 1000 человек 118 постоянно принимали антидепрессивные препараты), потом Австралия (96 из 1000), далее Португалия, Канада, Швеция. Постоянно! А сколько периодически! (Россия пока в этот список не попала, все еще не цивилизовались.) Депрессия – это когда человек не чувствует себя живым, он ходячележа(ч)щий труп. Ему ничего не хочется. Ему тяжело, страшно быть на этом свете. Нет энергии, экзистенции. Он – Undead, немертвый (появился такой термин). Жалуются на потерю смысла жизни. Но за потерей смысла жизни прежде всего стоит потеря ее чувства. Как видим, в ранге бесчувственности лидируют богатые, передовые страны. Они – самые мертвые (не очень понятно, почему в нем Португалия). А что абсурдно – это и есть цель остального человечества, достичь которую оно стремится. «Депрессизации». Чтобы все свое, живое, естественное было отдано «вовне», комфорту, эгоизму, компьютеру, виртуализму. Смерть как идеал. Технофилия! «Умный дом: управляй мультиваркой со смартфона». Радуйтесь. Не могут. Забыли «как». Вот оно – вещное (и невещное) отчуждение от самих себя. Становимся мертвыми при жизни, вернее «немертвые», но и неживые. Проникло в родовую сущность – уже дети рождаются бесчувственные, духовно полуживые – аутизм. Потому что душу отдали. Отдаем и Слово. Пока науке и технике. А может, уже и Богу, только механизм этого события – дьявольский.

Впрочем, это мировая тенденция, вернее закономерность. Антуан Сент-Экзюпери одному из последних своих французских адресатов писал: «Поймите, невозможно больше жить холодильниками и кроссвордами! Совершенно невозможно. Невозможно жить без поэзии, без красок, без любви. Достаточно услышать крестьянскую песню XV века, чтобы почувствовать, как низко мы пали».

Братья и сестры

Все люди – Братья! Братья и сестры. Свобода, равенство, братство! Человек человеку друг, товарищ и брат! Братья во Христе! Братская любовь... И т. д. Что такое быть друг другу братом, сестрой, очевидно и понятно. Было. Теперь для большинства людей это является пустой фразой. Символизм братства питался существованием реальных братских чувств и отношений. Но единственный ребенок в семье не знает, что это такое. Не будет знать их и человечество. Важнейший вид непосредственных связей между людьми, связей близости – распался. Этот распад предшествует распадению половых и родительских связей. Лозунг «Свобода, равенство, братство» пришлось модернизировать: вместо братства теперь говорят о солидарности. От равенства тоже отказались. Вместо него – справедливость (каждому – свое), это и есть «права человека». Права индивида на отрицание себя как родового существа. Права на жизнь «здесь и сейчас», так как хочется, без заповедей

религии и норм морали, в которых отражаются интересы общества в целом, его будущего. Свобода вытесняется заботой о безопасности. Через всеобщий контроль и наблюдение, которые превращают общество в виртуальный концлагерь, а общение в коммуникацию. *Все это и есть постмодернизация.* Живем под девизом: «Контроль, права человека, коммуникации». А в общем-то и без второго, без прав. Потому что первое и третье исключают второе. Стандартизация и всеобщий контроль становятся глобальной «национальной идеей» мира. «Мир-экономика» = «Технический социализм» = «Электронный лагерь-коммуникация». Особенно когда останутся только электронные деньги. Постденьги. Посткапитализм.

* * *

Мужчина и женщина. Он и она – это собаки=псы и кошки=кошки. Первые сильнее, грубее и простодушнее. Вторые слабее, мягче и хитрее. Живут как кошка с собакой. Эта модель, образ, эта «аналогизирующая апперцепция» заменяет сотни научно-психологических типологий, в которых пытаются зафиксировать особенности мужчин и женщин, делает ненужными тысячи глупостей, написанных в рамках «гендерных исследований».

Мужчина и женщина. Он и Она – это болт и гайка. Для скрепления мира. **Но возникает Оно.** Трансгендер. Канцелярская кнопка. На кнопках мир теперь держится. Во всех смыслах.

Абсурдность складывающейся ситуации чувствуют прежде всего мужчины. Зачем бежать, если ни зачем не угнаться или когда твой бег ведет в болото, к гибели? Отсюда инфантилизм, самоотрицание, ослабление мотивации к успеху, в том числе социальному. Собственно мужских дел всё меньше. Основная работа теперь – обслуживать «Матрицу», переносить информацию о мире в компьютеры. То, что раньше делали машинистки. Где надо быть детальным и добросовестным. Скучно, неохота. Некоторым стыдно. И охотничьи, даже дворовые псы становятся комнатными, потом постельными собачками. Пуделизация вида. У женщин еще есть что догонять: впереди – зад мужчины. У мужчин впереди только свой конец. У женщин есть ближайшая цель – имитировать, на-конец-то, этот, так называемый сильный пол, занять освобождающиеся от него передовые траншеи прогресса, оставляемые в процессе движения. Хотя бы в движении вверх по лестнице ведущей вниз. И во многом догоняют, выращивая в себе «симулякр мужчины», видя в этом смысл своей внутренней жизни и внешней деятельности. Становятся собаками. А мужчина? Должен ли он «выращивать в себе женщину»? Быть кошечкой. Голубой. Некоторые становятся, хотя это расслабляет, а не возвышает. Выращивать «симулякр машины»? Сознательно не хочет, но фактически делает. Таким образом, в целом, поезд собственно человеческой истории, особенно его первые «мужские вагоны», уже от(у)шел. На перроне – гендерная интеллектуально-коммуникационная техника. Ее не остановишь, демонстрировать ей что-либо бесполезно. Кошка еще может бежать за собакой, а собака за машиной бежит недолго. Понимает – не догнать. И растерянно останавливаясь, высунув язык, хрипит и тяжело дышит. Уходит на обочину, становится человеческим фактором, преступником и маргиналом по отношению к Системе. Женщины еще «пост», а мужчины уже «транс». Таков будет конец XXI века. Пока же, 2-3 поколения, на остаточном материале и

последних иллюзиях не уничтоженных терр(а)иторий, полов, народов и культур – еще «повырождаемся». Эй, Вы-рождайтесь, пока есть время, хотя бы. (А Европу спасут «беженцы», переселяющиеся в нее народы.) Как территорию.

* * *

Перед лицом технологии значение половых различий между людьми резко падает. Материнство терпит поражение от стремления женщин во всем имитировать мужчин и пропаганды карьерного роста. В поступках мужчины специфически мужское начало не имеет поля развертывания. К нему предъявляются противоречивые требования: быть смелым и быть винтиком, быть самостоятельным и быть функциональным. **Одномерный человек реализуется в главном – как однополюс. Бес / полюс.** Остальное – мелочи.

Любовь и голод правят миром – говорили раньше. Как это меняется сейчас? Миром правят секс и прибавочная стоимость – таким стал этот девиз в XX веке. Идет социализация голода и выхолащивание любви. «Хлебом», потребностью сытых становится публичное самоутверждение, слава. Это называют «возвышением потребностей». Получают удовольствие не от самой жизни, а от информации о ней. Жажда общения с другими людьми сужается, расширяясь до общения с вещами и знаками. До коммуникации. Любовь, влечение «возвышаются» до абстрактного взаимодействия и воображаемого отношения. До порнографии. Проблема отмирания родительских чувств превратилась из моральной в социальную. «И в конце времен охладает любовь» – Евангелие (от Матвея, 24:12).

Конец XXI века: Мать-героиня. Родила ребенка. Шипение гуманоидов-недоброжелателей: плодятся словно кролики. Хотя бы уж клонировались, а то разводят тут грязь всякую. Как животные. Вчера в центре города задержали пару, касающихся друг друга человек. Говорят, что будто бы это какие-то «мужчина» и «женщина» и будто это «естественно», так как есть какая-то «семья». Это противоестественно! Впечатление такое, что они не слышали о клонировании и виртуальных коммуникациях. Когда же мы преодолеем эти пережитки, эти стереотипы, этого проклятого натуралистического прошлого? Когда в Системе/Сети будет наведен порядок?

* * *

«Это может только мужчина: иметь цель вне себя. Женщина – сама для себя цель и хочет быть ею для всего доступного мира. Она, конечно, старается, подражая мужчине, тоже завести себе интерес снаружи от себя – щипание корпии или научные исследования, – ей плохо удается это притворство»... (Татьяна Набатникова. Каждый охотник. М., 1989. с. 306).

Все-таки это неверное рассуждение. В «обществе спектакля» демонстрация и притворство важнее сути дела. К шоу-демократии и бюрократии женщина легче адаптируется. В экономике услуг и потребления она органичнее. Да и берется уже эмансипированная, то есть неспособная к материнству или относящаяся к нему как к эпизоду. Напротив, женщина-мать всегда име(ет)ла цель вне себя. Цель эта – дети. Не просто природа и борьба с ней, на чем специализирован мужчина

и что необходимо для развития общества, а природа живая, необходимая для продолжения человечества как совокупности существ, на чем была специализирована женщина. Говоря по большому счету, если женщины исчезнут из науки, техники, искусства (естественно, кроме исполнительства), то практически мало что изменится. Но когда они совсем забросят семью и воспитание детей, то мир забуксует. Отсюда и отношение к «деловым женщинам» и «образованным дамам», гордящимся тем, что как матери они принесли себя в жертву культуре или, может быть, избрали ее своей жертвой – двусмысленное. Сопротивляется природа, сколько ее у человека осталось.

Однако остается все меньше. По мере того как человечество продвигается по пути самоотрицания, все садятся не в свои сани. Дети почти рождаются стариками (так называемые индиго), старики изображают юношей, белые становятся черными, черные отбеливаются, интеллигенция любой нации предается мазохизму и чужебесию. «Глобализация». Но прежде всего, «в преддверии роботов», оно должно подавить, рассеять, дискредитировать мужчин, силовое, маскулинное начало. Через него/них в мир вошло искусственное, от них/него оно в первую очередь и избавляется. Борьба с сексизмом как «фаллоцентризм». В процессе нарастания бытийной энтропии человечество культивирует противомужественное и противоестественное, чтобы заменить жизнь техникой, которую созда(ли)ют мужчины. Как требует прогресс. Это подлинно диалектично, по-настоящему, как все в истории, иронично и очень естественно – для победы искусственного.

* * *

В чем причина, что на всей земле и во всех своих формах цивилизация изобретена мужчиной? Принципиальные и даже бесчисленные мелкие достижения науки, техники, искусства сделаны им? Неравенство социального положения не объясняет причину, оно само должно быть объяснено. Кроме того, сейчас во многих сферах более чем равенство, а в биологии, экономике, медицине около 80% женщин, но принципиально новые разработки дают 10% из работающих в них мужчин. Библиотеки еще недавно были переполнены пишущими женщинами, которым не мешает ни семья, ни армия, но все равно чувствовалось, что женская наука, как спорт или шахматы, требует других мерок.

Логической основой провозглашения полного равенства полов должно быть положение, что человек существо только социальное. Если же признавать, что человек биосоциален, а даже странно, как идеология могла затушевывать оче-видные вещи, то придется признавать неравенство полов. Разделение единого человека на два пола (высших животных вообще) не бессмысленно, если оно биологически целесообразно для выживания. Потребность в нем возникает, когда к одному и тому же существу предъявляются противоположные требования. Например, быть активным и быть спокойным, быть агрессивным и быть заботливым. В определенный период жизни, если бы все особи были заняты рождением, им было бы трудно сохраниться. Поэтому один пол специализирован на контактах с внешним миром больше, чем другой. Иметь одинаковое поведение абсурдно, тогда незачем было разделяться. Специализированные вовне особи сильнее, у них несколько выше температура тела, быстрее реакция и обмен веществ, больше мозг. Это обеспечивается особенностями гормональной системы и значимо при

переходе к внебиологическим формам борьбы с природой. Даже если мозг только сцена, то и величина сцены что-то значит для постановки спектакля – больше возможностей. Но содержание спектакля социально. Поэтому среди мужчин больше святых и преступников, гениев и идиотов, страстных любовников и бесчувственных чурбанов. Они не по содержанию «лучше» или «хуже», это социальная оценка, у них больше физиологическая амплитуда колебаний. (Как чаще асимметрия мозга и лица.) Как в плюс, так и в минус. Они – **проблемные**. А становятся – проблематичными.

В последнее время женщине стали «отдавать» эмоционально-образную, дионисийскую сторону бытия. Но это джентльменство не основывается на реалиях собственно человеческой истории. В религии, поэзии, музыке, живописи и прочих видах искусства мужчина господствовал не меньше, чем в науке. И только теперь, с потерей духовности (в трансмодернизме все превращается в технику и технологию), из искусства уходит и он. Туда, куда уходит мир, – в электронную музыку, компьютерную графику, виртуальную (гипер) литературу. Опять в первых рядах: но уже упадка. И первым там подход-нет (это не ругательство: имеется в виду – «задохнется»). Если при формировании Сетей (первые 10–15 лет) женщин там практически не было, то теперь там бывают все. Значит, виртуальный мир перестал быть изобретением. Женщины там, *где норма, где обучают и демонстрация*. И человечество начинает делиться по другому параметру: «естественников» и «искусственников», на жителей Земли, у которых есть пол, возраст, чувства, и обитателей Техноса, «люденгов», техноидов, где эти характеристики не значимы и даже мешают. В виртуальном мире все одинаковы.

А пока Женщина существо более плавное и гармоничное. Сбалансированное и благополучное. Но в более ограниченном диапазоне.

* * *

В порнокультуре часто рассуждают на тему исторического права мужчин на полигамию. Тем самым обосновывается их право на супружескую измену в наше время. На то, что время от времени они должны «отпускать бобика погулять». И большинство отпускают. Феминистки возмущаются этим двойным стандартом, требуя подобного для женщин. «Выравнивают мораль». Но в чем коренится такая несправедливость, подумать никто не хочет. Объяснение, что мужчины поступают по «праву сильного» поверхностно. Корень же здесь есть, и он одинаков у всех высших животных. «Работая со стадом», самцы действительно второй раз к самке не подходят. Бегут к другой. Для этого есть природные основания. Во-первых, будучи оплодотворенной, самка успокаивается и больше их не хочет. Нет сигнала, что «путь открыт», а животные насильем не занимаются. Во-вторых, оплодотворять самку, которая уже «понесла», биологически непродуктивно и как бы бессмысленно. Эта природная причина лежит в том, что в истории гораздо чаще распространено многоженство, а не многомужество. Чем больше жен, тем больше потомства. А много мужей потомства не прибавляют. «Пустая» трата вр/с/емени.

Некий след этих инстинктов остался и у людей, когда различие законов природы проявляется в различии моральных норм (пока была культура). Но самцы за свое преимущество должны как-то платить – риском, готовностью погибнуть, защищая свое стадо, территорию

или общество. Если не платят – они паразиты. Вот почему мужское начало ярко проявляется в неблагоприятное время и умалется в комфорте, который превращает людей в паразитов. Мужчине он противопоказан по самой его сути. Возникает Пост-Адам. Пост(транс)мужчина – начальная стадия постчеловека.

* * *

Первым домашним животным был сам человек. Сам он, видимо, будет и первым роботом. **Роботы вырастают внутри нас.** Функционально многие ими уже являются. Главный признак роботизма – жизнь без чувств, без самостоятельного отношения к миру, особенно критического. А просто в качестве элемента целого. Раньше люди тоже редко поднимались до социальной самостоятельности, но тогда человек больше жил частной жизнью – в общине, группе, семье. Неприятное новое теперь в том, что механичность поведения проникает в эти группы – в общение с ближайшим окружением, с семьей, с самим собой. Потому вместе с ростом общения растет одиночество, в чем и заключается один из парадоксов современного социума – «одинокая толпа».

Популярная тема молодежных диспутов, когда они еще были (до «сексуальной революции»): что лучше: любить или быть любимым. Действительно, что лучше? Кто любит, тот субъект отношений, кого любят – тот объект. Кто любит, получает удовольствие или мучается, живет чувствами; кого любят, удовлетворен или раздражен, живет сознанием. Первый горит, второй греется. В век рациональности предпочитают больше греться. Это безопаснее и выгоднее – это целесообразно, а любовь, как и вера, – противоразумна, нерациональна. Все поверхностные люди хотят быть любимыми. И мало кто хочет любить. А кто хочет, то «абстрактно». Или не может.

В древности, в мифах любовь представляла как вселенская космическая сила. Как влечение вещей друг к другу. Наука заменила это понятием притяжения, и любовь как влечение осталась только для живой природы. Техногенный человек к природе равнодушен, в том числе живой, за исключением себя. Любят тело друг друга. В результате чего любовь превращается в «сексуальные фантазии». И просто – секс (половое удовлетворение). Но все больше любят только свое тело. В результате чего секс превращается в бесполо(во)е самоудовлетворение. Постепенно, однако, целого тела для умалившейся любви становится много. Она сосредотачивается на его части. Малый секс. **Дошла до конца.**

Эгоист бы и рад полюбить – себя, но не получается. Духовно не получается. Несмотря на все призывы либерально-индивидуалистической цивилизации. Любить себя – то же самое как себя щекотать. Физиологическое раздражение есть, а не смешно. Не радостно. То и другое можно испытать лишь с кем-то. Суть любви, как и языка, – общение, только разговор идет всем телесно-духовным континуумом. «Без органов». Они только ставят точку. Любовь к себе и разговор в одиночку – щекотка сумасшедшего. Безумно не смешно.

* * *

*В западной цивилизации, за которой «сзади» плетемся и мы, прои-с-ходит социокультурное оскотление человека. **Кастрация.** Сначала духовная, психологическая, а потом и физическая. Думали,*

что будет больно. А ничего и не заметили. Вначале и параллельно это делают на животных. Еще недавно смущались, что вот, мол, пришлось кастрировать пса, стерилизовали кошку. Было какое-то чувство вины, инстинкт греха, остаток природного бессознательного. Теперь, наоборот, считают за добродетель, широко объявляя: «Отдам собаку/кошку в добрые руки. Кастрирован! Стерилизована!» Или так: «Возьмите котика. Умный, ласковый. Кастрат». Кастрат! – вот что и чем привлекают теперь общественность. Что лишают животных живой жизни, никто уже не думает. Хотя не совсем так: у-думали специальный «корм для кастрированных». Рынок. Вездесущий. Объявим дальше: Муж надоел, жена утомила. «Отдам мужа/жену в добрые руки. Кастрирован. Стерилизована». Пусть живут. Рынок. Всеобщий. «Без стерилизации нет цивилизации» – таков был девиз Нового удивительного мира О. Хаксли. Он и осуществляется. Человеческую кастрацию, подобно некоторым древним обществам, вновь начали узаконивать, материализовывать. (Во Франции, обсуждался в парламенте! Не знаю, принят ли такой закон.) Буквально, не психологически (такое выхолащивание жизни идет непрерывно), а физиологически. Правда, не ножами, а «политкорректно», то есть облачая в лицемерие, путем «лечения химическими препаратами при отклоняющемся поведении». Для борьбы с ним. Ради безопасности. Которым, гляди того, будут считать традиционный (небезопасный) секс. «Слишком мужчин» и «слишком женщин». **Now**: Выгорание человеческого в человеке, его души. На костре прогресса ее лижут языки пламени ползучего тотально-технотронного фашизма. К **2045** году его обещают материализовать в искусственном теле, создать бессмертных нелюдей.

Гендер – это социальный конструкт Onedimensional men. Духовно стерилизованный. «Без стерилизации нет цивилизации» (Олдос Хаксли). Гендерный – значит бесполой, бес-полой, значит бес-человеческий.

Sos... sos... sos... (Save our soul... save our sex... save our self... Спасите наши души... спасите наш пол... спасите самих себя...)

Нужна *экология пола*.

* * *

Почему мужчина – инициатор, он подходит к женщине, а не наоборот? На танцах, ухаживание, брачное предложение – почти у всех народов. Это все окультуривание того факта, что конечным итогом данной знаково-символической деятельности должно быть физическое соединение. Акт жизни. Чтобы он состоялся, мужчина должен его захотеть. Он способен имитировать разное поведение: улыбку, гнев, печаль, особенно актеры. Но эрекцию нет. Он не может ее «иметь». Он должен в этом состоянии быть. И не может притвориться, как женщина, что «испытывает оргазм». Не может обмануть (отсюда и в остальной жизни он более прямолинеен и простодушен). Так устроена физиология. Хотение исчезает, когда его вынуждают. Ему нельзя сказать: Relax – расслабься. Тогда расслабится все. Эту скотину можно привести на водопой, но её нельзя заставить пить. Миллионы женщин, до 30%, живут с мужем не испытывая никаких, кроме неприязни, чувств, компенсируя ее бытовым террором. Мужчина скажет: я импотент, «нахватался радиации», буду алкоголиком, уйду в работу. И уйдет. К другой. Или в никуда. С одной стороны, он животное более грубое и безлюбное, чем женщина, а с другой – без чувств жить не может. В этом, а не в более высокой моральности

или обычаях причина, почему среди мужчин мало проституции. С кем угодно, на заказ, без «желания» и «понравилось», у него не выходит. Или в форме, когда он «не мужчина». В этом же причина, почему его нельзя «естественно» изнасиловать. **Отсюда вся цепочка культурных отношений** и негативная реакция (когда еще была культура) на проявление инициативы женщиной. Она должна «привлечь», раз(воз)будить его. Тогда все получится. Цепочка распадается по мере ослабления прокреативного значения половых функций и появления бросающихся на мужчин американок, по крайней мере в фильмах, а также «искусственного секса», разного рода механических и химических (виагра) фаллоимитаторов. Она заканчивается вместе с концом человека.

Наличие имитатора отменяет необходимость оригинала. Протез вытесняет орган. Поэтому параллельно и вместе с появлением виагры распространяется эректильная дисфункция, о которой раньше почти не знали. (Иногда ходили слухи в деревнях, что парня сглазили, заколдовали – «сделали невстаниху», и надо было расколдовывать.) Сама возможность протезирования обесценивает функционирование. Это взаимно поддерживающие друг друга стороны единого диалектического процесса. Однако «прогресс-дураки» так сложно не думают, их счастливый удел все время радоваться достижениям прогресса.

* * *

Дружба в точном смысле слова может быть только в юности, пока человек не знает сексуальной стороны общения. Это «предлюбовь». Дружба и любовь – стадии развития одного и того же стремления к близости, только в первом случае со своим полом, во втором с противоположным (если в норме). В дальнейшем близкое общение возможно или как приятельство, без тех чувств, что были в юности, или же, если они есть, то это любовь, хотя чаще всего платоническая. Пройдя высшую стадию близости – любовь, человек не может возвратиться к низшей. Для дружбы нужна невинность.

Экзистенциальная любовь – это когда можно сказать: он мне не нравится, но я его люблю. Так относится к «блудному сыну», близкому человеку, к своему городу. К Родине. «Люблю отчизну я, но странною любовью...» Не способный к такой любви не имеет души. Только от-душку. Космополит. Эмигрант. И все больше – «глобальный челове(йни)к».

Но остаются пережитки. Такого могут обвинить в патриотизме или даже, страшно вымолвить, в «любви к Родине». Оправдываюсь так: надо же чего-то/кого-то любить. Кроме себя, и даже близких, если душа больше рукавицы. А что такое рукавица? Современные люди этого не знают.

Русский эрос

Эрос, эротика. В отличие от мата и порнографии, говорить о нем дозволяется цензурой. Воспользуемся, в духе Г. Гачева. В транскрипции с греческого языка на русский, «э» будет «е»: например, эллины – еллины («Еллинских борзостей не читах», – гордился православный автор Средних веков). Например, этажи – етажи («Запирайте етажи, ночью будут грабежи», – поэма А. Блока «Двенадцать»). Например, эрос – ерос. Отсюда Херос («Да пошли вы все на хер(ос)»). Заодно догадался о смысле выражения «радости полные штаны». А также почему, когда любят,

говорят: «так и съел бы». Или целуя маленького ребенка, прижимаются к нему ртом, приговаривая «ам-ам-ам». Предложить по культурологии или этнографии тему диссертации: «Каннибализм как высшая стадия любви к человеку».

Отдадим все свои силы на достижение слабости

По мере того как детские игры становятся все более интеллектуальными, компьютерными (задачи, головоломки, знаменитый когда-то кубик Рубика, гонять шайбу световым лучом по экрану, охотиться в видеозале), то есть становятся «игрой ума», взрослые теряют способность к игре вообще, даже в сознании. Всякая живая игра опирается на двусмысленность, вытекающую из чувственной природы человека. Подавляя эту природу, они становятся мертво-серьезными, «деловыми». И в сущности, бесталанными. Ведь для таланта нужна *anima allegro* – играющая душа. Или страдают: депрессии, потеря интереса к жизни. В последнее время психологи толкуют о необходимости обучения детей игре. Предметной, не виртуальной. Даже простейшим формам. Сами, спонтанно, они больше играть не могут. Потом – жить не могут.

Дети не должны испытывать ни малейших неудобств. Памперсы. При мытье они не должны огорчаться. Специальные шампуни. А чтобы не ушиблись – не ползать. Манеж. Скоро им и ходить не будут давать: сидячие коляски чуть не до трех лет.

Дети не должны плакать и напрягаться. Но ведь плач – это детская форма выражения чувства неудовольствия. Дети не должны чувствовать? Или – «только радость»? Но так не бывает. Неудивительно, что, став взрослыми, они все хуже переносят неприятности, «не держат удар». Духовная слабость как следствие физического комфорта. Слабость как следствие комфорта вообще. Комфорт, если по-русски, удобство. Удобно, когда не надо прилагать усилий. Сидеть комфортнее, чем стоять. Лежать, комфортнее, чем сидеть. Спать, комфортнее, чем бодрствовать. Сон-небытие-комфорт – вот главная цель нынешнего человека. Кто опровергнет эту логику? Бросьте в меня камень! А нет – молчите, не отделявайтесь пустыми словами: эмоции, консерватор, мракобес. Трусые мысли. Трусые для мысли.

* * *

Когда человек все время читает и пишет, у него поневоле развивается «библиотечно-компьютерный взгляд на мир». Умозрительно-интеллигентская идеология. Да еще учат жить, выступая в роли экспертов в политике или экономике. Несут ахинею. Всегда критическую. Потому что, в отличие от людей дела и настоящих руководителей, – безответственные. Кому-то так можно, но для творческой природы убийственно. И вот рецепт спасения: больше пить (чай?) да гулять (в парке?). И никогда не выступать (по телевидению!).

* * *

«Любовь или свобода» – так называлась одна из книг французских сюрреалистов в начале века. Очень глубокое это «или». Полностью свободный человек не может любить. Это несовместимые состояния

души. В лучшем случае – секс. Торжество «открытого общества» это подтверждает.

Свобода – вот знамя, под которым человечество движется по пути самоотрицания и технототалитаризма.

Начинается, «не так». Станцию свободы проехали. Оно переходит под знамя безопасности. Посредством полного, абсолютного контроля. Везде – видеорегистраторы, вот-вот будут цифровые двойники. Дж. Оруэлл и другие предупреждавшие мир о последствиях бесконтрольного применения технологий могут отдыхать. Когда читали «про это» – пугались, а сейчас не хотят замечать. Субъект становится жестко встроенным в систему элементом, без самости. Бессубъектное общество. Постобщество. **Когда вас нет, вам ничто не угрожает.**

* * *

Ницше говорил: «Нам надоел человек» и хотел заменить это слабеющее больное существо сверхчеловеком. Бестией. Сильным и дерзким зверем. Увы! «Нам надоел человек» устами своих бесчисленных идеологов говорит современная цивилизация и хочет заменить его зомбиоидами. А пока – переходный период: **мы имеем дело с все более слабым растворением человека.** Таково большинство известных мне людей. В их числе и самый близкий мой знакомый – Я.

Сначала остерегались, а теперь во весь голос говорят о трансгуманизме, гуманологии и персонологии. Естественно, что возникли они на Западе, первым бегущим к пропасти ничто. Но вот и у нас появилась организация «Российское трансгуманистическое движение», в котором все больше участников и у которого все больше пропагандистов. Это теперь передовой отряд философской антропологии. Антропологии или антропофобии? Или же фагии? Трансгуманный человек, а правильное надо говорить – трансантропологический, трансгоманый, трансгенный человек. Человек или постчеловек? Трансгенные продукты коррелятивны трансгенному человеку. Смерть человека! И об этом они пишут открыто. Вместо людей будут нелюди. От проектов улучшения человека перешли к его отрицанию. **Людоделы стали людоедами.** (Само)убийцы среди нас! Кричат о том, что история человечества идет слишком медленно, нужна ее «акселерация». Чтобы скорее стать роботами. «Творческое исчезновение» – выдумывает М. Эпштейн, чтобы обмануть себя и других насчет сути процесса. «Российское движение убийц и самоубийц» – таков правильный перевод названия этой прогрессивной организации. Но это если думать. **А думать не будут.** У общества возникает потребность в активном и фундаментальном поглупении. Чтобы не понимать, что происходит. Особенно среди теоретиков – ученых баранов. Диагноз, который ставят таким на Западе: техногенная деменция (по-русски: приобретенное научное слабоумие). **Смерть в Раю. Через процветание.**

Нельзя (не) ругаться

Первым культурным человеком, говорил, кажется З. Фрейд, был тот, кто вместо того, чтобы бросить в соплеменника камень или ком грязи, – выругался. Очевидно, матом. Если два идущих по улице мужика матерятся, это просто наиболее древние культурные люди. Они перестали

даться, как варвары, и не бросают перчатки, приглашая к смертельному поединку, как феодалы. Кидаются низкими, жесткими и грязными словами. Но смысл ругательств, если всерьез, а не как выражение дружбы и взаимного опрощения, – всё равно вызов. Другому, Обществу. Это слова для обозначения вещей и действий, которые не должны быть публично обозначаемы. Их, эти действия, знают все, но только по отдельности, про себя, как тайну. В ругани индивид нарушает установленные законы, норму, табу, называя вслух священный тотем или акт. В ней выражается состояние души, когда человек провозглашает свое право на абсолютную свободу. Самые страшные ругательства – в самые священные и почитаемые вещи – в Бога, Душу, Мать. Это вызов индивида судьбе, обществу, всему свету, бросаемый им в минуту гнева и отчаяния, когда отбрасывается всякая условность в борьбе с неподдающимся окружением. Ах, так, гори все синим пламенем – и избиение божков, святотатство, богохульство, послать начальника. Это про(за) клятия. «Выход из себя». *Момент экзистенции.*

Такое состояние не может быть повседневным. Не должно и не является нормой поведения. Либералы-прогрессисты требуют права на ругань в культуре. В кино и театре. Пока добились «запикивания», то есть обозначения ругательства, а содержательно зритель может домыслить/произвести его сам. Как приправу, соль и перец, по вкусу. Гляди того добьются прямого произнесения мата, чтобы соль и перец подавать как самостоятельное блюдо. А слова: «мать» и «отец», наоборот, – запретят, объявят нецензурными, заменив на: «родитель № 1 и № 2», как того требуют европейские ценности. (Бедный римский папа и Мать-Богородица.) Не понимают, как всегда недалекие, что их требования это не «за», а «против» ругательств. Рубят сук, на котором сидят. Узаконенное, введенное в речевую норму ругательство перестает быть таковым. Теряет силу вызова обществу, становится не-ругательством. И тогда нечем будет ругаться. Как жить-то будем? Или останется одно страшное китайское ругательство: «Ты не умеешь жить». Оно будет самым актуальным.

Притом, что национальные ругательства и так вытесняются. Поражение терпит даже русский мат. На стенах и аудиторных столах в университете я с горечью вижу надписи: fuck, I fuck you. Их все больше и больше. Это вместо нашего, исконного. Вытеснение, увы, идет и на заборах. А факи, в сущности, не-ругательство. Их можно где угодно произносить. Поэтому своих студентов, аспирантов всегда убеждаю, что если ругаться – то все-таки по-русски, матом. Хотя не часто, не чаще, чем как-то признался, что «иногда приходится», наш нынешний Президент. Ведь это главное народное слово, настоящий духовный стержень национального самосознания, его высше-низшего состояния. Но только в гнев и неофициально, выкрикивать, чтобы оно оставалось нецензурным. Голосом чувства, разрядкой души, когда ударили молотком по пальцу или получили несправедливую оценку. Для живого, незамороженного человека это естественно. Необходимо. Иначе умалется проявление жизни, что потом ведет к потере ее смысла. Велика вероятность, что когда Господь Бог, разочаровавшись в своем творении, решил наслать на Землю потоп, невероятно, что он сделал это с хладнокровным равнодушием, без эмоций. Он сделал это в гнев. Значит, скорее всего, ругался. Не мог не ругаться. В (про) Себя?

«Для связки слов» ругаться тоже можно, у некоторых получается красиво, знал одного парня, который так невинно и элегантно матерился,

что хотелось слушать как песню, может, еще потому, что сам он был симпатичный, но у большинства это получается все-таки пошло, некультурно. Студентам не советую.

Власть(и)мушие мудрецы в Думе собираются, или собирались, принять или уже приняли чуть ли не уголовный закон о запрете ругательств (больше им нечего принимать). Юридический запрет живых ругательств – глупость. Социальный примитивизм. Осуждать и запрещать их морально – обязательно. А кто и как мораль нарушает, зависит от ситуации: есть ли на свете мужество, каждый решает сам. Народ, потерявший свои ругательства, обречен. Это критерий его этнической катастрофы (влас-тьмушие просветители этого не понимают). И если весь мир (не)поет, (не)молится и (не)ругается на одном языке, то конец истории как победа техногенно-рыночной цивилизации неизбежен. Конец русского матерного слова будет «концом истории по-русски». Вот что значит рубить под корень. Конец культуры и духовности. Настоящий патриот должен материться. Это наше национальное достояние. Потом, разумеется, искупая свой моральный о-грех хотя бы добрыми делами. Но никаких фик(т)ов! *Нужна экология мата*. Особенно в отчаянии от глобализации, суть которой – технологизация всего и вся, когда даже блины пекут, печатая на 3D-принтере, и как блины начинают печатать органы тела, не видя, что при этом (кажется, оглупев окончательно) радикально истощается жизнь, умяляются родные, да просто языки, песни и скукоживается душа народов. У(вы)мирает сам человек. Нужна (бы) экология Человечес(тва)кого!

За(ис)поведь консерватора

Конец света – такова будет последняя инновация человека. Принять «вызов сложности» или «вызов выживания» – так на птичьем языке постмодернизма выражается раскол человечества на два все более враждебных лагеря: сторонников технологизации или экологизации, роботизации или гуманизма, искусственного или естественного, бессмертия или жизни. И будут они бороться не на жизнь, а на смерть. Природа или культура – трещина, раскалывавшая XIX, первую половину XX века. Культура или технология – пропасть, образовавшаяся к концу XX века. **Человеческое или Иное** – вот глобальная, роковая проблема Третьего тысячелетия.

Благо(м)намеренные теоретики начнут поправлять: зачем «или», пишете «и». Мы не хотим «выживать», надо говорить «о жизни» – (по)учительно продолжают они. Да вы можете говорить о чем угодно, хоть о вознесении в рай, но это все пустые слова. На то они и пустые – эти люди-слова. Ситуация такая, что приходится выживать. Поколение сейчас-рожденных – будущие техноиды. Поколение мутантов. За ними будущее. У них нет будущего. Самое страшное в этой абсурдной цивилизации – ее успехи. Прозрачность зла. Кризис, неурядицы дают человеку хоть какую-то надежду. А успехи – никакой. **Современная цивилизация влюблена в смерть.** Беременна Иным. Её передовой отряд – безнадежно, для о(т)ставших-ся еще может быть разное.

Поэтому, идти под знаменем полионтизма и реакции (выживания) или под знаменем линейного прогресса (самоликвидации) – вот выбор, который стоит перед любым думающим человеком. Наиболее оптимальный выбор – не думать, отдаться утопии. Типа ноосферы,

бессмертия, космоса и т. п. Так или «никак» поступает большинство. «Отдаю(ё)тся». Чтобы не знать, когда нас не будет. Но это оптимально безответственный выбор. Философ на него не имеет права. Как обычный человек, делая утром зарядку и заботясь о своем здоровье, делает себя врагом прогресса, не говоря уже о таких отъявленных реакционерах, как посетители фитнес-клубов и косметических салонов, да даже и парикмахерских, он тоже должен действовать по логике сопротивления. *Эко-логике*. Нести крест понимания и надежды. В каждой деятельности каждый человек несет свой Крест. Пере-крестился – и неси.

Да не пессимист я! А только за жизнь, что в теоретическом плане предполагает союз религии с философией против свободы науки. Пусть наука будет искусством! И немного техникой. Это воззрение – диалектико-трагическое = подлинно философское. Всего лишь. (Не) оптимистическая трагедия. Когда признаётся, что оппозиции бытия и ничто, жизни и смерти, добра и зла имеют равно объективные основания. А борьба человека за победу бытия, жизни и добра над отрицанием как смертью и злом бесполезна. Но необходима. Смыслообязательна. Целесообразна. В бесконечном мире возможно все. Какая-то надежда есть на катастрофы. Они нужны для вразумления. Ибо одних слов, объяснений недостаточно. И они будут. Желательно небольшие, хотя бы средние. Чтобы приостановить вялотекущую, предотвратить или хотя бы отсрочить всеобщий самоапокалипсис. Знаменитый тезис К. Маркса «Философы лишь различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы изменить его» сам должен быть изменен. Нынешний девиз: «Люди лишь различным образом изменяли мир, дело заключается в том, чтобы сохранить его». Сохранить как нашу реализацию возможных миров. Как *мир человека*.

* * *

«Разработка сильного искусственного интеллекта будет означать конец человеческой расы, – считал знаменитый ученый физик Стивен Хокинг. – Как только человечество разработает искусственный интеллект, он разовьется сам и начнет перестраивать себя с все возрастающей скоростью. А люди, ограниченные медленной биологической эволюцией, не смогут с ним конкурировать и будут вытеснены». Это неопровержимое утверждение, как силлогизм: если р, то q. Но большинство, даже и меньшинство, кому положено думать дальше своего носа, радуются этой перспективе. *Прогрессивно(е), глупеющее, слепое, несчастное человечество. Счастливо только непониманием того, что делает=ся.*

Вот почему я традиционалист = антропоконсерватор = (не)верю в гибель человека и торжество (не)его разума.